

Евреи и Майдан

Иосиф Зисельс выступает со сцены Майдана

«Антисемитизм Майдана» стал в последние месяцы одним из главных тезисов российской пропаганды, направленной на дискредитацию протестного движения в стране. Об опасности антисемитских настроений одним из первых сказал глава российского внешнеполитического ведомства Сергей Лавров.

Тезис об антисемитизме был повторен на последней пресс-конференции лишившегося власти Виктора Януковича.

О многочисленных информационных вбросах, посвященных антисемитским настроениям собравшихся, я и не говорю. Этой лжи не могут препятствовать никакие факты. Ни присутствие на трибуне Майдана деятелей еврейского движения и раввинов, ни организованная самообороной Майдана охрана синагог, ни «еврейская сотня» и гибель во время разгонов протеста украинских граждан еврейского происхождения — на все эти факты вам приведут цитаты из старых выступлений лидеров «Свободы» и «Правого сектора», напомнят об антисемитских лозунгах, обвинят в стремлении построить «этнически чистое» государство. И никакие действия тех же радикалов, говорящих о приоритете европейских ценностей с трибуны парламента или со сцены Майдана, или встречающихся с послом Израиля в Киеве для того, чтобы обсудить, как совместными усилиями противостоять провокациям, не остановят этого мастерски приготовленного информационного потока. Именно поэтому я не хочу сейчас оспаривать тезисы, предлагаемые к обсуждению кремлевскими политтехнологами и их марионетками. Для того, чтобы понять происходящее вокруг Майдана, нужно

осознать, чем был Майдан. И заодно выяснить — кто такие украинцы и кем являются украинские евреи.

Если мы согласимся с мыслью, что Майдан стал мощнейшим толчком к формированию современной украинской политической нации, то мы должны понять, что эта нация не имеет этнических границ — как не имеет ее, например, современная французская политическая нация.

Французские евреи — несмотря на все антисемитские эксцессы прошлого — давно уже ощущают себя частью политической нации именно потому, что этнические границы стерты и каждому, кто хочет ощущать себя французом, оставаться евреем или совмещать идентичности, — предоставляется свободный выбор. Но когда политическая нация отсутствует — то нет и свободного выбора.

В Украине было именно так. До развала Советского Союза и украинцы, и евреи воспринимались в качестве части некоего суперэтнуса «советский народ», разбитого по республиканским квартирам и национальным группам. Причем, как бы по умолчанию, считалось, что на самом деле это понятие «советского народа» кокетливо маскирует тяготение всех остальных народов Советского Союза к русской культуре в ее большевистском варианте. И если украинцы еще разделялись на тех, кто готов был принять русификацию и отказ от национальной идентичности в качестве платы за общественный успех, и тех, кто стремился во что бы то ни стало сохранить свое этническое «я» в неблагоприятных условиях, то у евреев такого выбора, по существу, не было.

Украинские евреи — вообще самый большой феномен среди всех еврейских общин Восточной и Центральной Европы. Феномен именно потому, что никаких украинских евреев давным-давно нет. Нельзя сказать, что их никогда не было — конечно же, были — но стали жертвой восстания Богдана Хмельницкого, приведшего к практически поголовному уничтожению еврейского этноса на современных украинских землях. Новое еврейское заселение началось уже после присоединения этих земель — и затем остальной территории Речи Посполитой — к Российской империи. Таким образом, евреи пришли на земли, на которых активно шло вытравливание всего украинского — при участии, между прочим, не только колониальной администрации, но и самих украинцев, той их части, что всегда предпочитала карьеру защите национальных интересов.

Новые украинские евреи, в свою очередь, делились на две группы — первая из них стремилась стать частью «нового мира», имперского или советского, путем полного отказа от национальных корней — а это для всех была прямая дорога «в русские». А вторая стремилась сохранить свою идентичность в симбиозе с участием в жизни государства — но только вот государство это никогда не было украинским, оно всегда было Россией, в какие бы одежды не маскировалось. И если украинцы еще могли воспринять эту маскировку в Украинскую ССР за чистую монету просто потому, что им так было проще воспринимать подневольное состояние, то для евреев эта маскировка была совершенно очевидна и не интересна. И они, точно так же как и многие их соседи, становились русскоязычными — даже если в прошлом родным их языком был идиш, а соседи разговаривали на украинском языке. К тому же не стоит забывать, что эта вторая группа евреев, не желавшая порывать со своей идентичностью, всегда подвергалась атакам власти, вполне сравнимым с той ожесточенной борьбой, которую русский шовинизм в имперской или большевистской его форме вел с украинским

национальным движением. Сионистское движение Российской империи и стремившийся к национальной автономии Бунд были уничтожены большевиками. Затем пришел черед еврейской культуры на идиш: репрессии начались еще в 30-е годы, а в последние годы жизни Сталина, когда были расстреляны классики еврейской литературы и убит великий актер Соломон Михоэлс, эта культура была фактически выкорчевана. К этому же

времени в Украине практически прекратили свое существование этнические группы евреев, не затронутых русификацией: галицийские и буковинские евреи, активно взаимодействовавшие с украинцами, поляками и румынами, были полностью уничтожены Холокостом. Таким образом, к середине 50-х годов евреи Украины стали просто «советскими людьми», чья национальная идентичность оказалась опасной для каждого ее носителя — как, впрочем, была она опасна и для каждого украинца, если не ограничивалась фольклорной интерпретацией. И страх быть самим собой оставался с украинскими — вернее, советскими — евреями — до последнего дня существования Советского Союза. Естественным ответом на этот страх была ассимиляция в пользу народа-колонизатора — русского народа, репатриация в Израиль или эмиграция в Соединенные Штаты с их институированной еврейской общиной. Но уж никак не присоединение к гонимому и маргинализируемому властью украинскому национальному движению.

Что изменилось после провозглашения украинской независимости? Да практически ничего, потому что эта независимость оказалась лишь переименованной Советской Украиной. Конечно, зависимость от прежнего центра уменьшилась, но влияние русского информационного и — скажем шире — цивилизационного пространства осталось превалирующим. А самое главное — развитие Украины как государства продолжала определять советская цивилизация, воспринимающая все украинское как второсортное и сводящая его к фольклорному компоненту — триумф этого восприятия, как ни парадоксально, случился как раз после 2004 года, когда к власти в стране пришел король украинского политического фольклора Виктор Ющенко. Украинцы пытались защититься от этой нарастающей маргинализации собственной цивилизации в собственной стране «этнической революцией», что и породило появление националистических и национал-радикальных политических группировок и, в конечном счете, раскол на запад и центр с одной стороны — и восток и юг с другой — то есть на территории, где «этническая революция» торжествовала, и на территории, на которых советская цивилизация в ее самых грубых, китчевых формах была непобедима.

Что было делать евреям в этом чуждом им противостоянии? Да ничего — к тому же, если уж говорить начистоту, и влиятельной еврейской общины в стране уже практически нет, так как основная часть живших в Украинской

ССР граждан еврейского происхождения еще в начале 90-х стала гражданами Израиля, Соединенных Штатов или Германии. Оставшиеся евреи естественным образом — как, собственно, это и было в имперские времена — оказывались интегрированы в процессы, происходившие на территориях их проживания. Поэтому евреи западных и центральных областей акцептировали возрождение украинской культуры, пусть даже в ее этническом варианте, а евреи востока и юга оставались все теми же советскими людьми, свято уверенными в своей связи с русской культурой и примате этой культуры над всеми остальными. То, что на сцене Майдана были председатель Генерального совета Евроазиатского еврейского конгресса Иосиф Зисельс или автор этих строк, так же естественно, как и то, что в Харькове местные авторитеты Михаил Добкин и Геннадий Кернес стали символами неосоветского шовинизма в его хулиганской форме.

Протестное движение, прервавшее это маргинальное существование и ставшее прелюдией к утверждению новой политической нации, изменило все.

Внезапно оказалось, что в Украине для всех все общее — флаг, гимн, ценности и даже лозунг «Слава Украине!». Оказалось, что можно обращаться как к украинцам к людям разного этнического происхождения, что за страну готовы жертвовать собой не только этнические украинцы, но и русские, евреи, армяне, белорусы, азербайджанцы, крымские татары... Да, этот процесс, можно сказать, задержался у границ востока, но сейчас, под

воздействием агрессивной политики воскресшей из небытия «империи зла», он набирает обороты и в восточных областях Украины — и если они не подвергнутся российской оккупации, современная украинская политическая нация сформируется и там. А это означает одну простую вещь — украинские евреи повсюду станут естественной частью новой политической нации — как впрочем, и граждане Украины других национальностей. А ксенофобия и антисемитизм будут окончательно маргинализированы и останутся разве что в пропагандистских заявлениях российского внешнеполитического ведомства.

Собственно, это формирование современной политической нации и тревожит больше всего путинский режим. Украина оставалась фактической колонией России не потому, что платила за газ и даже не потому, что ее четвертый президент был кремлевской марионеткой — а потому, что советская ментальность украинцев коррелировала с советской ментальностью россиян,

оказавшихся трагически неспособными к восприятию современности. Крах этой советской ментальности в Украине — конец оккупации, продолжавшейся со времен Переяславской рады, разрыв с прошлым и начало движения к будущему. И это то, чего просто не способна понять советская до мозга костей и чудовищно провинциальная российская политическая элита, воспринимающая этот процесс утверждения политической нации в Украине как грандиозный триумф «этнической революции» и не замечающая, что «этническая революция» стала теперь всего лишь элементом украинского путешествия в современность.

Виталий Портников, LB.ua